

R $\frac{3}{239}$

АНТ

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

Николай Владиміровичъ

МЕЗЕНЦОВЪ.

4 августа 1878 года.

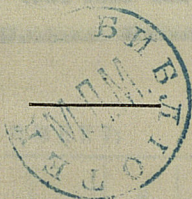
МОСКВА.

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ

Николай Владиміровичъ

МЕЗЕНЦОВЪ.

4 августа 1878 года.

МОСКВА. 1878 г.

Типографія И. И. Родзевича. Петровка, д. Кредитнаго Общества.

ЛЕНЕР-АДРЮАТНП

Николасъ Владиміровичъ

МЕЗЕНЦОВЪ

Дозволено цензурой. Москва, 28 августа 1878 г.

4 августа 1878 года

22797-0

2011110310

4 августа съ быстротою молніи телеграфная проволока разнесла по всей Россіи вѣсть, что на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ Николай Владиміровичъ *Мезенцовъ*, раненъ кинжаломъ въ животъ и въ шестомъ часу вечера скончался.

5 августа утромъ въ газетѣ *Голосъ* появилась статья, которую привожу цѣликомъ, такъ какъ она писана лицомъ, глубоко любившимъ покойнаго Николая Владиміровича и близко знавшимъ его правдивый, благородный характеръ.

„Съ глубоко тяжелымъ чувствомъ приходится намъ говорить сегодня о преступленіи, которому сердце отказывается вѣрить и разумъ—понять его! Это—даже и не преступленіе: преступленіе обусловливается злою волею, здѣсь же недостаточно было злой воли, а потребовалась еще развращенная мысль и безнравственное чувство, чтобы покуситься на жизнь человѣка при обстоятельствахъ, сопровождавшихъ дѣяніе, которому человѣческое слово не знаетъ еще соответствующаго названія...

„23 года назадъ, въ 1854 и 1855 годахъ, въ самую желую для русскаго государства годину, молодой офицеръ Мезенцовъ, открытою грудью защищая честь родины отъ сильнаго врага, налегшаго на Россію, былъ постоянно въ дѣлахъ, трудился на бастионѣ № 5-й, бился въ дѣлѣ при Черной рѣчкѣ 4-го августа—и не былъ раненъ. Теперь же, 23 года спустя, въ тотъ же день 4 августа, генераль-адъютантъ Мезенцовъ падаетъ, на улицѣ столицы, отъ удара, направленнаго изъ-за угла, злодѣями, недостойными той веревки, на которой имъ суждено испустить послѣдній вздохъ! Какое страшное совпаденіе даже для небоющихся ни божескаго, ни людскаго суда!..

„Нѣтъ, у нихъ нѣтъ Бога, и чувства совѣсти имъ неизвѣстны!

„Въ кого направили они смертельный ударъ свой? Въ ближайшаго совѣтника Государя Императора, въ лицо, обремененное Высочайшимъ довѣріемъ,—въ человѣка, прямой и честный характеръ котораго снискалъ ему глубокое уваженіе всѣхъ, его знавшихъ и въ Крыму, подъ градомъ вражескихъ пуль, и въ Варшавѣ, во времена намѣстничества князя Горчакова, и въ Петербургѣ, въ совѣтахъ, вершающихъ судьбы всей Россіи. Вездѣ и всегда онъ пользовался любовью,—его, русскаго душою и сердцемъ, любили даже въ Царствѣ Польскомъ!

„Чего хотѣли достичь они своимъ злодѣйствомъ? Замертво палъ въ столицѣ имперіи и въ страшныхъ мученіяхъ скончался среди высшихъ сановниковъ государства, собравшихся у смертнаго одра, тотъ, кому волею Государя Императора ввѣрена была важнѣйшая отрасль управленія! Погибъ вѣрный слуга государства; не спасла его отъ удара и та золотая полусабля „за храбрость“, которою награждены его военные подвиги въ Крымскую кампанію! Но, умирая, онъ завѣщалъ всему русскому обществу горькую не-

ненависть къ анархическимъ элементамъ, подтачивающимъ русскую жизнь. У его гроба теперь, какъ и у его могилы въ послѣдствіи, сомкнутся крѣпкимъ строемъ все здоровые, трезвые элементы общества и, принявъ на себя отвѣтъ предъ людьми и Богомъ за прежнюю девременную его смерть отъ руки злодѣя, станутъ на стражѣ тѣхъ государственныхъ, общественныхъ и семейныхъ интересовъ, которыми объявили войну вырожденки челоѣчества, возведшіе произволъ и насиліе въ символъ своей жизни.

„Что заслужили злодѣи своимъ злодѣяніемъ? Ударъ кинжаломъ изъ-за угла, нанесенный сегодня, близъ Михайловской площади, отрезвить русское общество и очистить, какъ послѣ грома, отъ гнилой заразной атмосферы, въ которой такъ невыносимо-тяжело живется. Мы уповаемъ на такія именно послѣдствія этого злодѣянія. Надо быть справедливымъ даже и къ злодѣямъ: они избрали своимъ средствомъ кинжалъ и револьверъ, огнестрѣльное и холодное оружіе, употребляющееся только на войнѣ, — пусть же и судятся они судомъ военнымъ! Но и въ этомъ судѣ, допускающемъ смертную казнь, разстрѣліаніе слишкомъ почетно для изверговъ, дерзко на смѣхающихся надъ святыми чувствами правды и справедливости! Имъ можетъ быть оказана одна только честь: ихъ, не признающихъ законности и провозглашающихъ произволъ, будутъ судить — и только послѣ суда повѣсять...

„Пора положить предѣлы стремленіямъ къ тлетворной анархіи. Пусть все русское общество возстанетъ противъ насилія и противъ извола горсти мерзавцевъ, безпокоящихъ Государя Императора, оскорбляющихъ русское общество, позорящихъ Русскую землю. Государство не ослабѣетъ отъ уничтоженія злодѣевъ, сколько бы ихъ ни было, — оно получитъ большую крѣпость и станетъ чище, когда люди, не признающіе законности, исчезнутъ съ лица его земли...“

Затѣмъ въ различныхъ газетахъ появились слѣдующія подробности этого ужаснаго, потрясающаго событія.

По описанію *Нов. Врем.*, покойный Николай Владиміровичъ вставалъ обыкновенно очень рано и совершалъ ежедневно прогулки пѣшкомъ, во время которыхъ посѣщалъ часовню, у Гостиного двора, на Невскомъ. Зайдя туда и 4 августа, въ 9 часу утра, Николай Владиміровичъ, по окончаніи молитвы, въ сопровожденіи своего бывшаго товарища, отставнаго подполковника Макарова, направился обратно домой, черезъ Михайловскую улицу, Михайловскую площадь и Большую Итальянскую улицу. Едва онъ вступилъ на мостовую Итальянской улицы и поровнялся съ домомъ Кочкурова, передъ самыми окнами кондитерской, приблизились къ нему двое шедшихъ на встрѣчу людей, весьма прилично одѣтыхъ. Одинъ изъ нихъ нанесъ ему рану кинжаломъ и вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ поспѣшно сѣлъ въ находившійся тутъ же экипажъ. Г. Макаровъ сдѣлалъ попытку задержать ихъ, но въ него былъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ револьвера, пуля пролетѣла мимо, а виновники катастрофы, никѣмъ незадерживаемые такъ какъ въ этомъ мѣстѣ не было ни одного полицейскаго стража, а равно отсутствовала и публика, успѣли скрыться. Рассказываютъ, что они быстро поскакали по Итальянской и завернули въ Малую Садовую; кучеръ, по всей вѣроятности, былъ изъ числа сообщниковъ; рассказываютъ, что онъ будто бы и въ предыдущіе дни являлся на то же мѣсто, гдѣ былъ сегодня. Несомнѣнно только, что преступники имѣли собственный экипажъ, запряженный хорошею лошадыю въ серебряной упряжи. Заключаютъ нѣкоторые по этимъ признакамъ, что эти люди со средствами. На одномъ изъ нихъ было надѣто сѣрое пальто. Самъ Николай Владиміровичъ, въ моментъ катастрофы, не потерялъ присутствія духа, и когда выбѣжавшіе на вы-

стрѣль изъ кондитерской, занятые въ ней уборкою, приказчики съ ужасомъ спросили: кто раненъ?—Николай Владиміровичъ отвѣчалъ, что раненъ онъ, и при этомъ указалъ на окровавленную сорочку. Поддерживаемый г. Макаровымъ, Николай Владиміровичъ дошелъ до угла Малой Садовой, здѣсь сѣлъ въ экипажъ и доѣхалъ до своей квартиры, на Фонтанѣ, у Цѣпнаго моста. Не прошло и получаса, и уже на мѣстѣ катастрофы собралась толпа народа, среди которой, понятно, шли живые толки о только-что совершившемся неожиданномъ покушеніи. Нечего и говорить о томъ страшномъ смятеніи, которое произвело возвращеніе генерала домой раненымъ. Почти вслѣдъ за нимъ прибылъ градоначальникъ, генераль-маіоръ Зуровъ, военный министръ, генераль-адъютантъ Милютинъ, министръ юстиціи статсъ-секретарь Набоковъ, прокуроръ судебной палаты и товарищъ шефа жандармовъ, генераль-лейтенантъ Селиверстовъ. Въ началѣ 11 часа утра, для поданія медицинской помощи прибыло нѣсколько врачей, но почти часъ спустя нельзя было еще сказать ничего положительнаго ни о состояніи раны, ни о характерѣ ея, хотя Николай Владиміровичъ, по отзыву лицъ, имѣвшихъ случай видѣть его въ квартирѣ, вскорѣ послѣ катастрофы, не утратилъ нисколько своего сознанія и полного самообладанія.

Тотчасъ по возвращеніи раненаго къ себѣ на квартиру, лица, стоящіе ближе къ нему, бросились отыскивать нашихъ извѣстныхъ специалистовъ-хирурговъ, но первыя попытки оказались неудачными. Профессоръ Склифасовскій находится въ настоящее время въ Бухарестѣ, а профессоръ Богдановскій былъ въ Гатчинѣ. Но мгновенно собралось около постели больного до десяти врачей, по преимуществу изъ живущихъ по близости, и большая часть безъ всякаго призыва, по собственному побужденію. Уже нѣсколько поз-

же прибыли вызванный по телеграфу профессор Богдановский. По производствѣ тщательнаго медицинскаго осмотра профессоромъ Богдановскимъ, совместно съ докторомъ Мамоновымъ, стало возможнымъ констатировать, что рана, нанесенная кинжаломъ въ глубину груди и немного зашла брюшину. Рана, по заключенію врачей, принадлежала къ ряду ранъ опасныхъ, но не безнадежныхъ. Больной продолжалъ сохранять полное сознаніе и послѣ небольшой дозы морфія, въ исходѣ второго часа, заснулъ. Съ 4 часа Николай Владиміровичъ сталъ чувствовать сильныя боли; въ 5 час. 15 минутъ по полудни, перенося ужасныя страданія, онъ скончался.

Правительство. *Вѣстникъ* напечаталъ 6 августа слѣдующія подробности объ этомъ возмущающемъ душу преступленіи.

„На углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади, близъ дома кондитера Бочкурова, на генерала Мезенцова неожиданно бросился неизвѣстный молодой человѣкъ, прилично одѣтый, въ сѣромъ пальто и въ очкахъ, сильно ударилъ его кинжаломъ въ верхнюю часть живота и побѣжалъ по Большой Итальянской улицѣ. За нимъ въ погоню бросился полковникъ Макаровъ, съ крикомъ „держи, держи!“ — причемъ, размахивая вонтикомъ, безсознательно ударилъ убійцу. Въ ту же минуту другой молодой человѣкъ, столь же прилично одѣтый, въ длинномъ синемъ пальто и въ черной круглой пуховой шляпѣ, съ черными усами, выстрѣлилъ почти въ упоръ изъ револьвера въ полковника Макарова; пуля пролетѣла мимо головы послѣдняго. Оба убійцы, пользуясь малолюдствомъ Итальянской улицы, вскочили на ожидавшія ихъ въ Итальянской дрожки, запреженные хорошею вороною лошадыю. На козлахъ сидѣлъ молодой кучеръ, съ черными усами, безъ бороды. Сѣвъ на дрожки, злоумышленники съ Итальянской понеслись по Малой Садовой и скрылись. Полковникъ Макаровъ безъ

успѣшно кричавшій „ловите, держите!“ — возвратился къ раненому, который, не потерявъ присутствія духа, на вопросъ испуганныхъ приказчиковъ Кочкурова—кого ранили? отвѣчалъ, что рана нанесена ему, причемъ указалъ на свою окровавленную одежду. При помощи полковника Макарова и вышедшаго изъ сосѣдняго дома камергера Бодиско, Николай Владиміровичъ Мезенцовъ дошелъ по Итальянской до угла Малой Садовой, гдѣ его посадили на извозчика. Оттуда онъ доѣхалъ до своей квартиры у Цѣпнаго моста, по Фонтанкѣ. Значительное истеченіе крови скоро обезсилило раненаго. Приглашенный въ 11 часовъ утра докторъ Мамоновъ, осмотрѣвъ больнаго, нашелъ, что его положеніе весьма серьезно. Вѣсть о катастрофѣ быстро разнеслась по Петербургу. Изумленная, негодующая толпа народа, собравшись на мѣстѣ происшествія, долго не расходилась, толкуя объ ужасномъ событіи.

Всю сцену преступленія, по словамъ *С.-Петерб. Вѣд.*, видѣлъ изъ окна своего дома, противъ кондитерской, г. Бодиско, у котораго въ это время сидѣлъ графъ Кассини. Г. Бодиско бросился было искать револьверъ, чтобы выстрѣлить по лошади, на которой помчались убійцы, но, не найдя его, выбѣжалъ на улицу, чтобы поддержать раненаго Николая Владиміровича, который одинъ, безъ посторонней помощи, прошелъ обратно и дошелъ по Итальянской улицѣ до подъѣзда кондитерской, откуда уже вышли приказчики. Затѣмъ, поддерживаемый г. Бодиско и Макаровымъ, Николай Владиміровичъ дошелъ до ѣхавшаго мимо экипажа, въ которомъ сидѣла дама, уступившая экипажъ раненому. Макаровъ усадилъ его, при помощи Бодиско, въ экипажъ, въ которомъ онъ и былъ доставленъ домой.

Многіе не вѣрятъ въ предчувствія, многіе относятся даже къ рассказамъ о нихъ съ улыбкой недовѣрія, а между тѣмъ у покой-

наго Николая Владиміровича въ злополучное для него утро какъ будто было предчувствіе чего-то недобраго, какъ будто что-то омрачало его обычное, неизмѣнно веселое расположеніе духа. Обыкновенно, отправляясь на свои ежедневныя прогулки въ 8 часовъ утра, Николай Владиміровичъ, спускался съ лѣстницы, напѣвалъ что-нибудь на веселый мотивъ. Надѣвая пальто, онъ имѣлъ обыкновеніе ласково привѣтствовать швейцара и дежурныхъ жандармовъ. Утромъ 4 августа, отправляясь въ обычные часы на прогулку, Николай Владиміровичъ былъ очень серьезенъ: не слышно было обычныхъ веселыхъ мотивовъ, и онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на привѣтствія прислуги и жандармовъ, какъ будто и не замѣчалъ никого. Только у выходной двери онъ пріостановился на нѣсколько минутъ и обождалъ спускавшагося позади по лѣстницѣ подполковника Макарова. Не прошло и часу со времени ухода Николая Владиміровича на прогулку, какъ швейцаръ, Иванъ Антоновъ Шведъ, любившій покойнаго и служившій при немъ въ III отдѣленіи въ теченіе девяти лѣтъ, увидалъ, что Николай Владиміровичъ подъѣхалъ на извозикѣ къ подъѣзду, склонившись немного напередъ и поддерживаемый подполковникомъ Макаровымъ. Послѣдній сейчасъ же соскочилъ съ пролетки и крикнулъ швейцару: „Помоги, генералъ раненъ.“ При помощи Макарова и швейцара, Николай Владиміровичъ спустился съ дрожекъ и вошелъ въ прихожую. Здѣсь онъ началъ самъ разстегивать пальто. Швейцаръ хотѣлъ поддержать его за талію, но Николай Владиміровичъ остановилъ его, сказавъ, что въ этомъ мѣстѣ онъ чувствуетъ сильную боль. Тогда швейцаръ взялъ его подъ мышки, и въ такомъ положеніи Николай Владиміровичъ самъ снялъ съ себя пальто. На сочувственный вопросъ швейцара: „Что съ вами, ваше высокопревосходительство?“ — Николай Владиміровичъ отвѣчалъ:

„Все кончено; приходится умирать...“ На верхъ по лѣстницѣ Николай Владиміровичъ поднялся съ большимъ трудомъ при посторонней помощи. Явившіеся немедленно врачи сейчасъ же уединили раненаго и никого не допускали къ его постели, кромѣ брата покойнаго, камергера Двора, Михаила Владиміровича.

Между тѣмъ о постигшемъ Николая Владиміровича несчастіи во все концы было дано знать телеграммами. Вскорѣ къ III отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи, гдѣ находится квартира Николая Владиміровича, начали стекаться экипажи высокопоставленныхъ лицъ, явившихся съ выраженіемъ соболѣзнованія къ пострадавшему. Однимъ изъ первыхъ прибылъ министръ юстиціи статсъ-секретарь Набоковъ, который оставался у постели пострадавшаго до окончательнаго выясненія свойства раны и обстоятельствъ, при которыхъ она была нанесена. Въ одиннадцатомъ часу пріѣхали военный министръ, генераль-адъютантъ Д. А. Милютинъ, и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдъ за ними явились: министръ финансовъ генераль-адъютантъ Грейгъ, товарищъ министра финансовъ Шамшинъ, статсъ-секретарь Сольскій, товарищъ министра юстиціи Э. В. Фришъ, французскій посолъ генераль Леффо, статсъ-секретарь Гамбургеръ, графъ Игнатьевъ, князь Долгоруковъ, генераль-адъютантъ графъ Гейденъ, баронъ Врангель, генераль-адъютантъ Баранцевъ, генераль-адъютантъ Посыетъ, графъ Левашовъ, графиня Адлербергъ и много другихъ высокостоящихъ лицъ, экипажи которыхъ останавливались у подъѣзда III отдѣленія въ теченіе всего дня.

Кромѣ лицъ официальныхъ, между посѣтителями было много и частныхъ лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ покойнаго. Но никому изъ явившихся съ выраженіемъ соболѣзнованія не удалось видѣться съ Николаемъ Владиміровичемъ, такъ какъ врачи запрещали всякій

доступъ въ комнату, гдѣ лежалъ раненый. Приѣхавшій изъ Царскаго Села министръ Императорскаго Двора графъ Адлербергъ не засталъ уже его въ живыхъ...

У смертнаго одра умирающаго постоянно находились брать его и замужня сестра. О преступленіи не упоминали ни больной, ни окружающіе его; послѣдніе только старались поддержать въ немъ надежду на выздоровленіе, хотя сами не могли этому вѣрить: рана была нанесена глубоко, и кинжалъ разрѣзалъ печень. Когда врачи произвели осмотръ раны, Николай Владиміровичъ просилъ откровенно объяснить ему всю серьезность положенія и не скрывать даже самой горькой истины. На утѣшительныя слова врачей, подававшихъ надежду на благополучный исходъ, онъ отвѣчалъ недоувѣріемъ и говорилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти. И онъ не обманулся. Наступившая вскорѣ мучительная агонія такъ быстро прекратила его жизнь, что онъ не успѣлъ ни проститься ни съ кѣмъ изъ близкихъ людей, ни выразить свою послѣднюю волю. Присутствовавшій при кончинѣ, глубоко огорченный братъ покойнаго сказалъ, что въ Николаѣ Владиміровичѣ погибъ не Мезенцовъ, а шефъ жандармовъ. Лично, благодаря своему мягкому и доброму характеру, Николай Владиміровичъ не могъ имѣть враговъ.

Въ 7 часовъ вечера по покойномъ была совершена первая панихида, имѣвшая семейный характеръ. Вторая панихида происходила въ 9 час. 30 мин. вечера.

На слѣдующій день, 5 августа, съ ранняго утра, въ подъѣздѣ III отдѣленія начали стекаться толпами лица разныхъ званій и состояній. Двери свободно открывались для всѣхъ. По широкой лѣстницѣ публика входила во второй этажъ, гдѣ, въ одной изъ залъ, лежало тѣло покойнаго. Комната эта была убрана въ тра-

уръ: на окнахъ и дверяхъ повѣшены драпри, изготовленные изъ матеріи чернаго цвѣта и обшитыя бѣлыми плерезами; всѣ вещи, служившія прежде для украшенія залы, обтнаны бѣлымъ полотномъ и убраны черными розетками. Тѣло Николая Владиміровича покоилось на небольшомъ возвышеніи, обитомъ чернымъ бархатомъ. Голову покойнаго поддерживали обыкновенныя подушки. Самъ онъ былъ одѣтъ въ генеральскій мундиръ. По самую грудь тѣло было покрыто золотымъ парчевымъ покрываломъ. На лицѣ Николая Владиміровича не осталось и слѣдовъ той мучительной агоніи, какую испытывалъ онъ въ послѣднія минуты своей жизни. На немъ ничего уже не отражалось, кромѣ загробнаго спокойствія. На паннихиду, назначенную въ часъ пополудни, собрались всѣ находящіеся въ Петербургѣ министры и другіе высшіе сановники; не мало было также и дамъ высшаго круга. Изъ особъ женскаго пола нѣкоторыя проливали слезы сожалѣнія о покойномъ. Въ особенности выдѣлялось горе сестры покойнаго, княгини Оболенской-Нелединской-Мелецкой, которая еще утромъ 4 августа была извѣщена телеграммой о постигшемъ ее несчастіи и немедленно поспѣшила пріѣхать изъ Петергофа, гдѣ она жила на дачѣ. Паннихиду совершалъ священникъ церкви св. Пантелеймона, отецъ Михаилъ.

Въ этотъ же день, 5 августа, въ 1¹/₂ часа пополудни, нѣсколькими врачами, въ присутствіи приглашенныхъ свидѣтелей, было приступлено ко вскрытію тѣла покойнаго и къ изслѣдованію полученной имъ раны. Что рука убійцы не дрожала и что ударъ былъ нанесенъ съ силой и хладнокровіемъ — въ этомъ убѣждалъ уже поверхностный осмотръ раны и костюма, въ которомъ былъ Николай Владиміровичъ во время гибельной для него катастрофы. На покойномъ былъ надѣтъ обыкновенный генеральскій плащъ,

застегнутый наглухо; двубортный сюртукъ былъ также застегнутъ. Но всѣ препятствія, представляемые костюмомъ, не только не остановили смертоноснаго орудія, но даже не ослабили силы удара. Пробивъ обѣ полы плаща, сюртукъ, жилетъ и бѣлье, кинжалъ вошелъ въ тѣло немного ниже послѣдняго груднаго ребра съ правой стороны груди. Отверстіе раны такъ широко, что въ нее свободно входили два пальца. По вскрытіи тѣла оказалось, что кинжалъ прошелъ по направленію отъ правой стороны къ лѣвой, поранивъ встрѣтившіеся на пути важнѣйшіе жизненные органы. Печень и часть желудка оказались насквозь пробитыми. Очевидно, кинжалъ вошелъ въ тѣло по самую рукоятку.

Въ субботу вечеромъ, въ началѣ девятаго часа, по усопшемъ была совершена вторая панихида духовенствомъ Пантелеймоновской церкви соборне съ причтомъ Исаакіевского собора. Кромѣ высшихъ сановниковъ, бывшихъ на утренней панихидѣ, на вечерней присутствовалъ все время австрійскій посланникъ.

Послѣ вечерней панихиды былъ окропленъ святою водою гробъ, и тѣло покойнаго было положено въ него родными и друзьями.

6-го августа, по случаю праздничнаго дня, стеченіе публики ко праху усопшаго достигло весьма значительныхъ размѣровъ. Лица всѣхъ званій и состояній непрерывною вереницей поднимались и опускались по устланной мягкимъ ковромъ лѣстницѣ. У гроба покойнаго публикѣ подолгу не позволяли застаиваться. Сотворивъ нѣсколько крестныхъ знаменій и приложившись къ образу, посетители удалялись изъ траурнаго зала. Обѣ панихиды въ этотъ день, происходившія въ 1 часъ дня и въ 8 часовъ вечера, отличались необыкновеннымъ многолудствомъ. Также какъ и наканунѣ, у гроба не мало было замѣтно плачущихъ лицъ женскаго пола.

Приготовленія къ выносу тѣла покойнаго начались еще съ вечера 7 августа. Въ 7 часовъ, въ квартиру Николая Владиміровича

прибыль настоятель Сергіевской пустыни архимандрить Игнатій, съ сослужащими іеромонахами и монастырскими пѣвчими, для совершенія панихиды. Иноки Сергіевской пустыни знали Николая Владиміровича около тридцати лѣтъ, такъ какъ онъ очень часто посѣщалъ этотъ монастырь, гдѣ находятся фамилные склепы его родителей. Какъ человѣкъ чрезвычайно набожный, покойный былъ вообще очень уважаемъ и любимъ духовенствомъ. Лишь только разнеслась по Петербургу вѣсть объ его кончинѣ, причты многихъ столичныхъ церквей начали являться въ III отдѣленіе и просить разрѣшенія, въ видѣ выраженія сочувствія къ памяти покойнаго, отслужить панихиду. Вслѣдствіе многочисленности предложеній, разрѣшеніе могло быть дано только немногимъ. 7 августа, по совершеніи панихиды архимандритомъ Сергіевской пустыни отцомъ Игнатіемъ, въ сослуженіи съ іеромонахами той же обители и монастырскими пѣвчими, въ 8 часовъ вечера была совершена литія придворнымъ протоіереемъ К. Я. Никольскимъ. Послѣ литіи тѣло покойнаго было перенесено въ домовую церковь отдѣльнаго корпуса жандармовъ и было поставлено на заранѣе приготовленный и убранный зеленью катафалкъ.

8 августа, на нѣкоторыхъ уликахъ столицы — говорятъ *С.-Петербург.* *Вѣд.* — замѣчалось движеніе цѣлыхъ массъ народа, движеніе несвойственное простому будничному дню и раннему утреннему времени. Особенно казались оживленными углы Невскаго и Литейнаго проспектовъ, Невскаго и Владимірскаго проспектовъ и углы Семіоновской улицы и Литейнаго проспекта. Къ этимъ пунктамъ, какъ наиболѣе центральнымъ, народъ стекался массами, чтобы видѣть печальное шествіе съ тѣломъ Николая Владиміровича. Еще ранѣе десяти часовъ утра, по Семіоновской улицѣ и далѣе по Фонтанкѣ, вплоть до Цѣпнаго моста, всякое движеніе было приостановлено. Въ

одиннадцатомъ часу, народъ сплошными массами занялъ Цѣпной мостъ, набережную Фонтанки до Семіоновскаго моста и самый мостъ, потомъ всю Семіоновскую улицу, части Литейнаго проспекта и далѣе размѣстился по всему пути слѣдованія печальной процессіи. Назначенныя для сопровожденія тѣла покойнаго части войскъ собрались къ зданію III отдѣленія еще въ 9 час. 30 м. утра и расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: противъ самаго подъѣзда пѣшій почетный караулъ отъ С.-Петербургскаго жандармскаго дивизіона, состоявшій изъ 18 человекъ, и трубаки гвардейской конной артиллеріи; справа были расположены четыре орудія отъ гвардейской конной артиллеріи, а слѣва гвардейскіе жандармы, эскадронъ С.-Петербургскаго жандармскаго дивизіона и два эскадрона Оренбургскаго казачьяго войска. Въ 11 часовъ 45 минутъ прибылъ въ сопровожденіи свиты Государь Императоръ въ каретѣ на парѣ бѣлыхъ лошадей. Не доѣзжая сажень пятидесяти до подъѣзда III отдѣленія, экипажъ остановился. Государь сѣлъ на заранѣе приготовленнаго для него коня. Обѣхавъ расположенныя части войскъ и поздоровавшись съ ними, Государь слѣзъ у подъѣзда съ коня и направился прямо въ церковь. Здѣсь Монархъ, взявъ за руку сестру покойнаго, княгиню Оболенскую-Нелединскую-Мелецкую, обратился къ ней съ милостивыми словами участія и утѣшенія и въ теплыхъ выраженіяхъ вспомнулъ о покойномъ. Потомъ Императоръ обратился къ пріятелю покойнаго, камергеру Красовскому, съ которымъ генераль-адъютантъ Мезенцовъ, будучи молодымъ офицеромъ, вмѣстѣ сдѣлалъ Крымскій походъ, и съ которымъ оба они одновременно состояли адъютантами у князя Горчакова. Его Величество милостиво изволилъ напомнить камергеру Красовскому о дружбѣ послѣдняго съ Николаемъ Владиміровичемъ. Изъ Высочайшихъ особъ, кромѣ Государя Императора, въ церкви присут-

ствовали Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій. Изъ высокопоставленныхъ лицъ въ церкви находились: весь дипломатическій корпусъ, за исключеніемъ отсутствующаго генерала Леффо, всѣ находящіеся въ Петербургѣ министры и ихъ товарищи и весь генералитетъ. Заупокойная обѣдня уже приближалась къ концу, когда изволилъ прибыть Государь Императоръ. Литургію совершали придворный протоіерей Никольскій, Пантелеймоновской церкви протоіерей Архангельскій, Сергіевской пустыни іеромонахъ Пименъ, два священника и придворный протодіаконъ Поповъ. Пѣвчіе были отъ Семеновскаго полка. По окончаніи обѣдни высокопреосвященнымъ митрополитомъ петербургскимъ и новгородскимъ, въ сослуженіи съ однимъ изъ очередныхъ архимандритовъ и съ присутствовавшимъ за обѣдней духовенствомъ, была совершена по Николаѣ Владиміровичѣ паннихида. Въ 12 часовъ 30 минутъ тѣло покойнаго было вынесено изъ зданія III отдѣленія и помѣщено на богато изукрашенной погребальной колесницѣ подъ балдахиномъ. Шествіе тронулось въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли факельщики; вслѣдъ затѣмъ офицеры лейбъ-гвардіи Коннаго и Кавалергардскаго полковъ несли ордена покойнаго на девяти бархатныхъ подушкахъ; за орденами слѣдовалъ гербъ покойнаго, а потомъ пѣвчіе и духовенство съ придворнымъ протоіереемъ Никольскимъ во главѣ. Іеромонахъ Сергіевской пустыни о. Пименъ несъ небольшую икону Николая Чудотворца. По обѣ стороны катафалка шли личные адъютанты покойнаго. Кисти отъ балдахина держали поочередно офицеры лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Вслѣдъ за траурною колесницей, на конѣ, слѣдовалъ Государь Императоръ, въ сопровожденіи свиты и высшихъ сановниковъ. Далѣе шли родные и друзья покойнаго. Слѣдовавшія затѣмъ войска шли въ такомъ порядкѣ:

трубачи гвардейской конной артиллеріи, лейбъ-гвардіи жандармскій полуэскадронъ, два эскадрона Оренбургскаго казачьяго войска, эскадронъ С.-Петербургскаго жандармскаго дивизіона и четыре орудія гвардейской конной артиллеріи. Въ похоронной процессіи обращали также на себя большое вниманіе два громадныя вѣнка, изъ которыхъ на одномъ въ срединѣ была сдѣлана надпись изъ бѣлыхъ цвѣтовъ: „Твердому въ правдѣ“, а на другомъ—надпись изъ такихъ же цвѣтовъ вокругъ вѣнка гласила: „Старые нажи“; въ срединѣ этого вѣнка стояли вензелевыя буквы имени покойнаго Н. М. Вѣнокъ этотъ былъ украшенъ георгіевскими лентами, перевязанными бантомъ. Отъ личныхъ адъютантовъ покойнаго былъ поднесенъ вѣнокъ, сдѣланный съ одной стороны изъ лавровыхъ, а съ другой—изъ дубовыхъ листьевъ. Вѣнокъ отъ гражданскихъ чиновниковъ III отдѣленія былъ составленъ изъ однѣхъ розъ. У Семіоновскаго моста процессія на нѣсколько мгновеній остановилась. Государь Императоръ сѣлъ въ поданный ему экипажъ и удалился въ сопровожденіи свиты. Начиная отъ Семіоновской улицы и до самаго вокзала Балтійской желѣзной дороги печальная процессія слѣдовала среди многотысячной публики, стоявшей шпалерами по обѣимъ сторонамъ всѣхъ улицъ, по которымъ шла процессія. Въ хвостѣ траурнаго кортежа тоже слѣдовала многолюдная толпа. У вокзала была отслужена панихида, и слова протодіакона: „и сотвори ему вѣчную память“—смѣшались съ салютомъ, сдѣланнымъ въ честь покойнаго изъ сопровождавшихъ его четырехъ орудій гвардейской конной артиллеріи. Спеціальныя экстренныя поѣзды уже стояли подъ парами, когда процессія подошла къ вокзалу. Траурный вагонъ снаружи былъ обтянутъ чернымъ сукномъ; верхняя часть вагона окаймлялась сдѣланными изъ бѣлаго полотна съ серебрянымъ позументомъ складками. Внутри вагонъ былъ обитъ бѣ-

лою шелковою матеріей съ черными полосами. Посрединѣ возвышался катафалкъ, а по сторонамъ были сдѣланы скамьи. Когда гробъ ставили въ вагонъ, сквозь толпу протѣнилась ко гробу, съ громкими рыданіями, бѣдно одѣтая женщина, съ распущенными волосами. Горе ея обратило на себя общее вниманіе. По разспросамъ оказалось, что она бѣдная дѣвушка, по фамиліи Монастырская, и жила исключительно небольшою пенсіей, выдававшейся ей Николаемъ Владиміровичемъ, который, независимо отъ всѣхъ прочихъ его качествъ, былъ человѣкъ безконечно добрый и отзывчивый на просьбы о помощи. Еще не было примѣра, чтобы истинно бѣдный и нуждающійся человѣкъ получилъ отъ Николая Владиміровича отказъ въ пособіи. Намъ удалось видѣть—говорить *Новое Время*—длинный списокъ лицъ, которымъ на ихъ словесныя или письменныя просьбы выдавались пособія изъ собственныхъ средствъ Николая Владиміровича. Вотъ почему, едва разнеслась по Петербургу вѣсть о его кончинѣ, къ праху покойнаго явилось не мало лицъ, преимущественно женщинъ, съ выраженіемъ неподдѣльнаго горя.

На Сергіевскую станцію похоронный поѣздъ прибылъ въ свое время. Здѣсь покойнаго ожидали монашествующая братія и монастырскіе пѣвчіе. Иеромонахъ Пименъ, сопровождавшій покойнаго отъ самой квартиры, ставъ во главѣ монашествующихъ, отслужилъ панихиду. Гробъ снова поставили на колесницу, и шествіе тронулось къ Сергіевскому монастырю. Вдоль дороги былъ построенъ лейбъ-гвардіи Конный полкъ со взводомъ трубачей, которые, отдавъ честь покойному, сомкнутою колонной послѣдовали за похоронною процессіей до самаго монастыря. У воротъ Сергіевской пустыни кортежъ былъ встрѣченъ настоятелемъ монастыря, архимандритомъ Игнатіемъ, который тутъ же совершилъ панихиду по

покойномъ. И здѣсь бранные останки поджидала толпа народа. Путь отъ воротъ и до Троицкаго собора былъ усыпанъ цвѣтами и можжевелникомъ. Въ соборѣ вновь была отслужена панихида, на которой присутствовала Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Іосифовна съ своими Августѣйшими дѣтьми. Ея Высочество положила вѣнокъ на гробъ Николая Владиміровича.

Погребальная церемонія началась 9 августа въ 10^{1/4} час. утра заупокойною обѣдней, которую совершалъ соборне настоятель Сергіевской пустыни, архимандритъ Игнатій, въ сослуженіи съ іеромонахами своего монастыря и при участіи монастырскихъ пѣвчихъ. По окончаніи литургіи начался обрядъ отпѣванія, въ которомъ приняли участіе настоятель с.-петербургской греческой церкви, архимандритъ Неофитъ, и многіе прибывшіе по желанію представители бѣлаго и монашесвующаго духовенства. Похоронный обрядъ также почтила своимъ присутствіемъ Великая Княгиня Александра Іосифовна и Великіе Князья Константинъ, Дмитрій и Вячеславъ Константиновичи. Въ свитѣ Ея Императорскаго Высочества состояли: гофмейстерина графиня Комаровская и фрейлина графиня Келлеръ; при Ихъ Высочествахъ находились: шталмейстеръ двора И. А. Грейгъ и воспитатель великаго князя Вячеслава Константиновича, полковникъ Кеппенъ. При похоронномъ обрядѣ присутствовали также всѣ находящіеся на-лицо родственники покойнаго Николая Владиміровича, а именно: братъ его камергеръ двора Михаилъ Владиміровичъ, сестра, княгиня Наталья Владиміровна Оболенская-Нелединская-Мелецкая, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, и дѣтьми: адъютантомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, Владиміромъ, кавалергардскаго полка штабсъ-ротмистромъ Платономъ и

состоящимъ при государственномъ канцлерѣ князѣ Горчаковѣ Валеріанѣ Сергѣевичахъ. Изъ дальнихъ родственниковъ покойнаго при похоронномъ обрядѣ находились: двоюродный братъ покойнаго, графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ, камергеръ двора А. С. Башмаковъ съ супругою и г-жа Козлова, урожденная княжна Суворова. Изъ постороннихъ лицъ, явившихся почтить память Николая Владиміровича, присутствовали: министръ финансовъ, генераль-адъютантъ С. А. Грейгъ, съ супругою, начальникъ главнаго штаба графъ О. Л. Гейденъ, генераль-лейтенантъ Мухановъ, генераль-майоры, состоявшіе при покойномъ, Пилсудскій, Бачмановъ и Щербатскій; флигель-адъютанты: командиръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка баронъ Фредериксъ, князь Голицынъ, баронъ Корфъ; начальникъ московскаго жандармскаго управленія генераль-лейтенантъ Слезкинъ, камергеръ Красовскій; адъютанты покойнаго: Энгельгардтъ и графъ Гейденъ, адъютантъ генераль-лейтенанта Селиверстова, полковникъ Языковъ-Полѣшко, адъютантъ князя Суворова, полковникъ князь Энгальчевъ, съ женою и дочерью, полковникъ Чулковъ, статскій совѣтникъ Плаутинъ, и большинство служащихъ въ штабѣ корпуса жандармовъ и гражданскихъ чиновниковъ III отдѣленія. Кромѣ того, Троицкій соборъ во множествѣ наполняли обитатели Петергофа, Стрѣльны и дачники ближайшихъ окрестныхъ мѣстностей.

Когда окончилась послѣдняя паннихида, къ гробу подошла прилично одѣтая дама среднихъ лѣтъ и во всеуслышаніе начала рыдать съ причитаніями о добротѣ покойнаго и пожеланіями найдти успокоеніе на лонѣ Авраама. Эта особа оказалась лазаретною дамою николаевскаго сиротскаго института, по фамиліи Николаева. Она вдова, имѣющая дѣтей, которыхъ покойный пристроилъ на воспитаніе въ казенныя учебныя заведенія.

Послѣ отпѣванія тѣла усопшаго, гробъ былънесенъ до самой могилы родственниками и адъютантами покойнаго. Подушки съ орденами несли офицеры лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Бренныя останки Николая Владиміровича положены въ заранѣе приготовленномъ склепѣ, рядомъ съ могилою его родителей и не подалеку отъ усыпальницы свѣтлѣйшихъ князей и графовъ Зубовыхъ. Рядомъ съ могилою Николая Владиміровича устроенъ другой склепъ, который приказалъ приготовить для себя братъ покойнаго.

Въ то время, какъ все описанное происходило въ Петербургѣ, въ глубинѣ Россіи также возсылались молитвы по усопшемъ Николаѣ Владиміровичѣ. Вотъ отрывокъ письма, полученнаго издателемъ *Московск. Вѣдомостей* изъ Васильсурска:

„Сейчасъ вернулся я съ умилительнаго зрѣлища: третьяго дня вечеромъ были получены здѣсь газеты съ извѣстіемъ объ убійствѣ генераль-адъютанта Николая Владиміровича Мезенцова, а сегодня крестьяне всѣхъ его имѣній Васильскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, собрались все съ хоругвями на мѣстѣ несуществующаго нынѣ Маровскаго монастыря и отслужили панихиду о покойномъ. Крестьяне дали мнѣ, какъ сосѣду, знать о предстоящей службѣ, и я счастливъ, что видѣлъ этотъ сонмъ народа, молящагося за упокой „новопреставленнаго убіеннаго боярина Николая“. При возглашеніи вѣчной памяти покойному, многіе плакали, а по окончаніи службы не мало народа подходило ко мнѣ, и каждый поминалъ добромъ своего бывшаго помѣщика.“

Потеря такого человѣка, какимъ былъ покойный Николай Владиміровичъ, чувствительна не для однихъ родныхъ и многочисленныхъ друзей его, но и для всего государства. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ государственныхъ людей. Жизнь

его и отношенія къ обществу были таковы, что и незнавшіе его сильно горюють объ его рановременной, ужасной кончинѣ.

Николай Владиміровичъ былъ человѣкъ правдивый, государственный дѣятель, одаренный чистымъ и возвышеннымъ характеромъ.

Бывши въ теченіи двадцати пяти лѣтъ другомъ Николая Владиміровича, я считаю священнымъ долгомъ сердца, собравъ все, что было напечатано въ газетахъ по поводу его кончины, сообщить и нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ, насколько позволяетъ глубокая горестъ, меня поразившая.

Николай Владиміровичъ получилъ воспитаніе въ домѣ родителей и былъ самымъ младшимъ изъ дѣтей. Отецъ его принадлежалъ къ числу героевъ 1812 года и въ раннихъ лѣтахъ командовалъ дивизіей. Мать Николая Владиміровича, Вѣра Николаевна, рожденная графиня Зубова, была дочерью единственной дочери генералиссимуса князя Суворова.

Николай Владиміровичъ поступилъ на службу, въ 1845 году, въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ унтеръ-офицеромъ, а въ 1847 году былъ произведенъ въ прапорщики того же полка. Въ 1849 году, по случаю войны съ венграми, онъ участвовалъ въ походѣ гвардіи къ западнымъ предѣламъ Имперіи, а въ Восточную войну 1853—1856 гг., въ чинѣ подпоручика, былъ командированъ, въ числѣ прочихъ офицеровъ гвардіи, въ распоряженіе командовавшаго 3, 4 и 5 пѣхотными корпусами, генераль-адъютанта князя Михаила Дмитріевича Горчакова. Всѣ офицеры гвардіи были распределены по полкамъ, а Николай Владиміровичъ былъ оставленъ состоять при особѣ князя. Въ этомъ званіи онъ, до 1 марта 1854 года, находился въ главной квартирѣ при войскахъ, занимавшихъ княжества, а съ 25 октября по 1 ноября въ сборѣ войскъ противъ переправившагося въ Ольтеницѣ не-

пріятеля. Въ продолженіе всего этого времени Николай Влади-
 міровичъ неоднократно ѣздилъ съ генераль-адъютантомъ княземъ
 Горчаковымъ по передовымъ отрядамъ. 16 января 1854 года онъ
 участвовалъ въ наступательномъ движеніи мало-валахскаго отря-
 да отъ Боялешти къ селеніямъ Гуніи и Мадлавитѣ, близъ Ка-
 лафата, произведенномъ подъ личнымъ начальствомъ князя Гор-
 чакова, и на слѣдующій день, 17 января, участвовалъ при за-
 нятіи с. Поянъ и обложеніи Калафата, а также въ усиленной
 рекогносцировкѣ калафатскихъ укрѣпленій. Затѣмъ Николай Вла-
 діміровичъ принималъ участіе въ произведенной 11 марта 1854 г.,
 подъ начальствомъ князя Михаила Дмитріевича, форсированной
 переправѣ изъ Браилова на правый берегъ Дуная. 13 марта онъ
 участвовалъ въ занятіи войсками браиловскаго отряда города Ма-
 чина; 7 апрѣля участвовалъ въ рекогносцировкѣ крѣпости Си-
 листріи; 27 апрѣля прибылъ съ главною квартирою въ городъ
 Каларашъ, а съ 5 мая по 10 іюня находился на позиціи на
 правомъ берегу Дуная при осадѣ крѣпости Силистріи. Во время
 этой осады Николай Владиміровичъ участвовалъ во всѣхъ насту-
 пательныхъ движеніяхъ и рекогносцировкахъ, произведенныхъ подъ
 начальствомъ генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго и гене-
 раль-адъютанта князя Горчакова. Съ 11 іюня до снятія осады
 крѣпости Силистріи онъ находился въ арріергардѣ, а 12 и 13 іюня
 — при обратной переправѣ войскъ на лѣвый берегъ Дуная. Потомъ
 онъ слѣдовалъ съ главною квартирою и войсками къ позиціи при
 селеніи Катарджи-улуй, а оттуда на позицію при Фратешти, подъ
 Журжею, куда прибылъ 29 іюня, и участвовалъ 4 іюля въ уси-
 ленномъ обозрѣніи непріятельской позиціи между Журжею и Сло-
 бодзѣю. Съ 15 іюля по 4 сентября Николай Владиміровичъ
 слѣдовалъ съ главною квартирою при обратномъ движеніи всѣхъ

войскъ, занимавшихъ княжества, отъ Дуная за Прутъ, а съ 4 сентября находился при главной квартирѣ южной арміи въ Кишиневѣ. Изъ Кишинева онъ посланъ былъ княземъ М. Д. Горчаковымъ въ Севастополь. Здѣсь князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ возложилъ на него порученіе остановить и возвратить въ Симферополь таврическаго губернатора Пестеля, произвольно оставившаго городъ со всѣми губернскими учрежденіями. Князь Меншиковъ потомъ съ особой похвалою отзывался о Николаѣ Владиміровичѣ въ письмѣ своемъ къ князю Горчакову.

По пріѣздѣ изъ Севастополя, Николай Владиміровичъ, согласно Высочайшему повелѣнію, долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Съ величайшею грустью расстался съ нимъ князь Михаилъ Дмитріевичъ, но былъ не въ силахъ остановить отъѣздъ его. Николай Владиміровичъ уѣхалъ въ половинѣ сентября. Полныя печали письма получалъ я отъ него изъ Петербурга. Окруженный всѣми удобствами жизни, въ кругу своего семейства, онъ не скрывалъ, что проведенный имъ годъ въ арміи сдѣлалъ для него невозможною тихую семейную жизнь. Его зачислили въ резервъ и дали роту. Но боевая жизнь, полная тревогъ и опасностей, такъ и тянула его къ себѣ, и онъ видимо тяготился занятіями мирнаго времени.

Вдругъ счастье улыбнулось намъ обоимъ. Высочайшимъ приказомъ 26 сентября 1854 года князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ южной арміей. Первыми, обращенными ко мнѣ, словами князя было выражено желаніе, чтобы Николай Владиміровичъ былъ его адъютантомъ.

Онъ прибылъ къ намъ уже въ Севастополь въ концѣ марта мѣсяца. Я не припомню большей радости въ жизни, какъ та, которую я испыталъ при встрѣчѣ съ нимъ въ Дуванѣ куда я нарочно выѣхалъ, чтобы его встрѣтить.

Въ Севастополѣ Николай Владиміровичъ состоялъ постоянно при главнокомандующемъ. Нерѣдко приходилось ему сопровождать князя Горчакова, подъ непріятельскимъ огнемъ, для обозрѣнія работъ на различныхъ частяхъ линіи севастопольскихъ укрѣпленій, и нерѣдко во время бомбардировокъ онъ былъ посылаемъ на бастіоны. Съ 8 марта по 24 мая онъ имѣлъ постоянное пребываніе на сѣверной сторонѣ Севастополя, а съ 24 мая—въ лагерь на Инкерманскихъ высотахъ. Но въ самыя рѣшительныя минуты обороны онъ находился вмѣстѣ съ главнокомандующимъ въ городѣ. 6 іюня онъ присутствовалъ при отбитіи генеральнаго приступа непріятеля къ Севастополю. Во время этого приступа онъ находился на 4 бастіонѣ съ порученіемъ отъ главнокомандующаго. Кромѣ того, онъ былъ откомандированъ, на одинъ мѣсяць, въ распоряженіе князя Виктора Иларіоновича Васильчикова, занимавшаго постъ начальника штаба севастопольскаго гарнизона.

Съ извѣстіемъ объ отбитомъ 6 іюня штурмѣ Николай Владиміровичъ былъ посланъ на Кавказъ къ генераль-адъютанту Николаю Николаевичу Муравьеву. Возвратясь оттуда, онъ, 3 августа, участвовалъ въ движеніи войскъ къ Черной рѣчкѣ для атаки непріятеля и на слѣдующій день, 4 августа, участвовалъ въ извѣстномъ сраженіи на Черной рѣчкѣ. 5 августа онъ возвратился съ главной квартирой въ лагерь на Инкерманѣ.

27 августа, въ день оставленія Севастополя, Николай Владиміровичъ былъ посланъ главнокомандующимъ рано утромъ на Телеграфъ для обозрѣнія дѣйствій непріятеля; онъ возвратился оттуда съ сильно разбитой головой, надъ лѣвымъ глазомъ, и не могъ участвовать въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ.

Затѣмъ, 14 сентября, Николай Владиміровичъ перешелъ съ главною квартирой изъ лагеря на Инкерманскихъ высотахъ въ с.

Ортакаролезь, гдѣ оставался по 12 октября. Съ этого дня до 1 января 1856 года онъ пробылъ въ Бахчисараѣ и въ продолженіе всего этого времени неоднократно участвовалъ въ производившихся главнокомандующимъ обзорѣніяхъ непріятельскихъ позицій на рѣкѣ Черной и въ Байдарской долинѣ.

1 января 1856 года Николай Владиміровичъ отправился съ княземъ Горчаковымъ въ Петербургъ. Оттуда, съ назначеніемъ князя Михаила Дмитріевича намѣстникомъ Царства Польскаго и главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, онъ переехалъ въ Варшаву.

За боевыя отличія въ теченіи всей Восточной войны Николай Владиміровичъ былъ награжденъ орденами: св. Станислава 2-й степени, св. Анны 3-й степени, св. Владиміра 4-й степени и золотою саблею съ надписью „за храбрость.“

Съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій, произведенный въ капитаны гвардіи, Николай Владиміровичъ былъ переименованъ въ подполковники и оставался при князѣ Горчаковѣ до кончины послѣдняго въ 1861 году, а затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, сопровождалъ тѣло покойнаго князя въ Севастополь. По возвращеніи изъ Севастополя, Николай Владиміровичъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1864 году, произведенный въ полковники, онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба корпуса жандармовъ и управляющаго III отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, а съ производствомъ въ слѣдующемъ году въ генераль-маіоры утвержденъ въ этихъ должностяхъ. Въ 1871 году Николай Владиміровичъ былъ назначенъ генераль-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а въ 1874 году былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и назначенъ товарищемъ шефа жандармовъ и главного

начальника III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Наконецъ, 30 декабря 1876 года, Николай Владиміровичъ былъ назначенъ шефомъ жандармовъ и главнымъ начальникомъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Последнею наградою покойному было пожалованіе 2 декабря 1877 года ордена св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго съ мечами.

Занимая означенныя выше должности, Николай Владиміровичъ въ тоже время состоялъ членомъ Комитетовъ Кавказскаго и по дѣламъ Царства Польскаго и принималъ дѣятельное участіе въ ихъ работахъ.

Какъ человѣкъ, Николай Владиміровичъ былъ одаренъ всеми высокими качествами души; онъ былъ честенъ въ высшемъ значеніи этого слова и шелъ въ жизни всегда прямо и смѣло. Когда постъ шефа жандармовъ сдѣлался вакантнымъ, онъ въ письмахъ ко мнѣ доказывалъ невозможность назначенія его на эту высокую государственную должность. Я былъ свидѣтелемъ той минуты, когда онъ получилъ это назначеніе, и трудно представить себѣ, какъ былъ онъ удивленъ, пораженъ, взволнованъ. Онъ мгновенно почувствовалъ всю отвѣтственность, возлагаемую на него Высочайшимъ довѣріемъ и милостью. Когда назначеніе его сдѣлалось извѣстнымъ, все радовались, что судьба выводила на поприще государственной дѣятельности столь рѣдкаго по качествамъ человѣка.

Николай Владиміровичъ никогда, нигдѣ и ни передъ кѣмъ не скрывалъ своихъ убѣжденій. Со всеми онъ былъ добръ до безконечности, и, — что такъ рѣдко случается, — несмотря на свое высокое положеніе, онъ никогда не измѣнялся въ отношеніяхъ своихъ къ старымъ товарищамъ и пріятелямъ.

Идеаломъ его жизни была правда; онъ носилъ ее въ душѣ своей и искалъ во всемъ и вездѣ.

Онъ былъ набоженъ, рѣдко пропускалъ, и то помимо воли, церковныя службы.

Онъ былъ чуждъ всему мелкому, узкому. Всегда кроткій, веселый, простой, задушевный, готовый помочь, принести пользу, онъ служилъ въ тяжелое время и понесъ не мало трудовъ. Обладая громадною памятью и сильнымъ здоровьемъ, онъ могъ работать по 14 и 18 часовъ въ сутки.

Любя безгранично своихъ родныхъ, Николай Владиміровичъ часы досуга проводилъ по преимуществу у сестры своей, княгини Натальи Владиміровны Оболенской. Жилъ онъ постоянно вмѣстѣ съ своимъ братомъ Михаиломъ Владиміровичемъ.

Помощь, которую оказывалъ Николай Владиміровичъ всѣмъ къ нему обращавшимся, не имѣла предѣловъ. Свято хранилъ онъ въ сердцѣ высокую истину Евангелія, и творимое имъ добро, нравственное и матеріальное, никому не было вѣдомо. Только у его гроба узнали, какъ много дѣлалъ онъ добра.

И увы! Въ одно мгновеніе, какимъ-то ураганомъ, внезапно унесена жизнь, полная столькихъ надеждъ и упованій!...

Подъ тяжестью испытанія, мнѣ ниспосланнаго, я могу только сказать: до свиданія, мой старый, мой вѣрный, мой добрый другъ!....

И. Красовскій.

Москва.

15 августа 1878 г.

